

МОРДОВСКИЙ СКАЗОЧНЫЙ ЭПОС КАК СРЕДСТВО ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ

Антонов Юрий Григорьевич,

*доктор филологических наук, заведующий кафедрой финно-угорских литератур
ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (г. Саранск, РФ), antonovug@yandex.ru*

Шеянова Светлана Васильевна,

*доктор филологических наук, профессор кафедры финно-угорских литератур
ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (г. Саранск, РФ), sheyanovas@mail.ru*

Шаронова Елена Александровна,

*доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной
литературы ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва»
(г. Саранск, РФ), sharon.ov@mail.ru*

В современном образовательном процессе приоритетным становится обращение к опыту народной педагогики, использование ее приемов в формировании нравственных и эстетических основ личности. Гармонизация современных педагогических приемов и сформировавшихся в народной среде традиций воспитания сегодня является важной составляющей образовательного процесса и требует всестороннего научного осмысления. Элементы народной педагогики, содержащиеся в мордовском сказочном эпосе, способствуют формированию ряда положительных качеств личности. Цель исследования – определить роль мордовского сказочного эпоса в формировании у обучающихся эстетически и нравственно ориентированных качеств личности; выявить влияние отдельных сказочных сюжетов на развитие этнического самосознания.

В исследовании были использованы теоретический метод, позволяющий осмыслить полученные результаты на основе передовых разработок педагогической науки; эмпирические методы (наблюдение и опрос), помогающие изучить влияние мордовского сказочного эпоса на формирование определенных качеств личности в процессе обучения.

Изучение эрзянской и мокшанской сказки вовлекает студента вуза в пространство национальной культуры и языка, в пространство национального образа мышления и формирует полноценную личность, способную к межкультурной и межъязыковой коммуникации. Сказка раскрывает поведенческие модели, нормы семейно-бытового и общественного уклада жизни, закладывает представления об истине, добре, красоте, устанавливает качественное восприятие народных этических канонов, способствует самоидентификации личности посредством рецепции уникальной этнофилософии.

Изучение студентами мордовского сказочного эпоса способствует освоению ими этнически ориентированных моделей поведения, направленных на воспитание положительных качеств личности. Полученные результаты могут быть использованы в практике вузовского обучения студентов гуманитарных и других направлений подготовки, а также при составлении учебно-методических материалов по филологическому и педагогическому образованию.

Ключевые слова: мордовский сказочный эпос; этнокультурное образование; развитие личности; народная педагогика; этнопедагогика; этнофилософия; менталитет.

Для цитирования: Антонов Ю. Г., Шеянова С. В., Шаронова Е. А. Мордовский сказочный эпос как средство этнокультурного образования и развития личности // Финно-угорский мир. 2018. Т. 10, № 1. С. 18–28.

Введение

В условиях глобального поликультурного общества качественный уровень образования и развития личности диктует необходимость «коренного изменения сложившегося мировоззрения, которое признает ценность этнического, культурного и языкового разнообразия»¹, актуализирует «возрождение преданных забвению на-

родных этических и педагогических традиций как своего рода инновационного феномена»². Этнокультурное образование как кластер этнопедагогики осмысливается как «процесс освоения этнокультурного наследия (материального, духовного, социального), процесс становления и воспитания личности на традициях культуры этноса, сочетающий моноэтниче-

¹ Горячев Ю. Межкультурное образование как необходимый аспект устойчивого развития // Этнодиалог. 2013. № 2. С. 54.

² Волков Г. Н. Этнопедагогика. Москва, 1999. С. 11.

скую глубину постижения родной культуры и полиэтническую широту» [3]. О многозначности этнокультурного воспитания в современном обществе свидетельствуют два вектора его функционирования: «первый – углубление в моноэтническую культуру, возврат к ее корневым основам» [3]; второй вектор направлен на постижение полиэтнического – помогает формированию «толерантной личности, способной на основе диалога активно взаимодействовать с представителями других культур» [3].

Этнокультурное образование использует различные методы и средства педагогического воздействия на личность, нацеленные на сохранение этнической идентичности и национального мировидения. Оригинальными памятниками народной педагогики и этнокультурного воспитания могут быть признаны произведения устного народного творчества, в частности сказки. В педагогической концепции К. Д. Ушинского первый воспитатель – это народ, а народные сказки – первые блестящие попытки создания народной педагогики [11]. Сказка как «весьма эффективное педагогическое средство... в течение столетий выработанное и проверенное народом» [10] признается и современными учеными. Ее жанрово-стилевые признаки (увлекательность и динамичность сюжета, забавность ситуаций, образность, доступность стиля) позволяют молодым людям усвоить многовековой духовный опыт народа: кодекс этических норм, национальных представлений о высоком и низком, прекрасном и ужасном, добре и зле. Сказочный эпос утверждает необходимость гуманных отношений в обществе и может быть воспринят как программа нравственного воспитания личности, что в современном мире является приоритетным. В связи с этим особую значимость приобретает исследование влияния в образовательном процессе сказочного эпоса на формирование у студентов духовно-этических ментальных качеств.

Сказка есть мощное интеллектуально-эмоциональное высказывание коллективного автора, в достаточно лаконичной форме выражающее существо наро-

да, его сделавшего. Сказка пребывает в «большом времени», следовательно, ее идея давно выкристаллизовалась, приняв абсолютную форму. Это означает, что содержание сказки воспринимается как жизненная аксиома. Сказочное мышление моделирует социально-экономическую, общественно-политическую, демографическую, культурно-типическую реальность, содержит национальные личностно-психологические коды в форме фантастического и чудесного. В исследовании определено, каким образом отдельные сюжеты влияют на развитие этнического самосознания и пробуждают у обучающихся интерес к изучению фольклора.

Обзор литературы

В аспекте рассматриваемой нами проблемы особую значимость приобретают работы известных педагогов, фольклористов, литературоведов, философов, в которых исследуются вопросы становления и развития народной педагогики, педагогический потенциал произведений устного народного творчества. Проблемы этнопедагогики актуализированы в хрестоматийном труде К. Д. Ушинского «Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии» [11], в научной концепции которого педагогическая система представляет собой совокупность законов воспитания, основанных на методах философской антропологии, изучении психологии человека и учете историко-культурного развития народа. Г. Н. Волков рассматривает современное функционирование народной педагогики как средство формирования национальных и общечеловеческих ценностей³. Теоретические представления об этнокультурном воспитании изложены как в научных трудах А. Н. Джуринского [5] и др., так и в учебниках Л. Н. Бережновой, С. Н. Федоровой и О. В. Хухлаевой⁴. Педагогический потенциал сказки оценен в научных работах А. Б. Афанасьевой [3], Т. К. Сноповой

³ См.: Волков Г. Н. Указ. соч.

⁴ См.: Бережнова Л. Н. Этнопедагогика: учеб. Москва, 2013; Федорова С. Н. Этнокультурное развитие детей. Психолого-педагогическое сопровождение: учеб. пособие. Москва, 2011; Хухлаева О. В. Поликультурное образование: учеб. Москва, 2014.

[9; 10] и др. Вопросы развития и функционирования сказочного эпоса, его разновидностей, классификации, сюжетно-композиционной структуры, персонажной сферы, средств воплощения образности, специфики использования и интерпретации сказочного материала в книжных формах эпоса раскрыты в работах отечественных ученых В. П. Аникина⁵, А. Н. Веселовского [4], А. И. Маскаева [6], Е. М. Мелетинского [7], В. Я. Проппа [8] и др.

В аспекте осмысления педагогического потенциала сказочного эпоса и функциональности народно-педагогического вектора образования интересными представляются работы зарубежных исследователей А. Dundes, A. W. Wilson, T. Y. Hamlet, O. P. Ingle, A. M. Zanoni da Silva и др. А. Dundes, один из известных в мире ученых-сказковедов, при исследовании структурно-семиотического поля сказки активно использует психоаналитические интерпретации фольклорного материала [12]. А. W. Wilson сопоставляет фольклорные произведения и книжные формы эпоса, выделяя в последних не художественный вектор, а политическую семантику⁶. На наш взгляд, аутентичная сказка также наделена историческим и политическим видением, но исключительно объективным в отличие от авторской литературы.

А. М. Zanoni da Silva рассматривает традиционные фольклорные универсалии и их интерпретацию в письменной словесности [14]. Т. Y. Hamlet размышляет о проблемах понимания мотива в зарубежной и русской фольклористике вообще и в сказковедении в частности [13]. О. Р. Ingle акцентирует внимание на роли фольклорных текстов, имеющих историческое содержание и, следовательно, участвующих не только в создании исторического образа страны, но и в воспитании его граждан⁷.

⁵ См.: Аникин В. П. Русская народная сказка. Москва, 1984.

⁶ См.: Wilson W. A. The Marrow of Human Experience: Essays on Folklore / ed. J. T. Rudy. Logan, 2006.

⁷ См.: Ingle O. P. Book Review: Andrejs Plakans. A Concise History of the Baltic States. Cambridge, UK: Cambridge UP, 2011. 472 p. // Slavic and East European Journal. SEEJ-57. P. 134.

Материалы и методы

Исследование функциональных характеристик мордовской сказочной прозы в контексте этнопедагогики и проблем этнокультурного развития общества основано на междисциплинарном подходе, аккумулирующем достижения педагогики, фольклористики, литературоведения, культурологии, философии, этнографии, истории. Данный подход реализован в ходе преподавания на филологическом факультете Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва ряда дисциплин профессионального кластера образовательной программы по направлению подготовки 45.03.01 Филология: «Мордовское устное народное творчество» (для студентов-бакалавров I курса профиля подготовки «Отечественная филология (Языки и литературы народов России (мокшанский / эрзянский), русский язык и литература)»), «Трансформация и развитие литературных форм героического эпоса в художественной словесности XX века» (для студентов-бакалавров IV курса профиля подготовки «Отечественная филология (Русский язык и литература)»). Актуализированный подход предполагает раскрытие актуальности народной педагогики в условиях демократизации общества; актуализацию прогрессивных народных традиций воспитания в эпоху глобального развития инновационных информационно-образовательных технологий; выявление сущности этнокультурного развития личности как социально-культурного феномена; изучение механизмов сохранения и осмысления традиционных духовных ценностей; определение педагогического потенциала народной сказки, заключающейся в себе многовековые обобщения по многим отраслям знаний; экспликацию эмоциональной, эстетической, познавательной, дидактической сущности мордовской сказки как ценностной философской концепции, способствующей формированию этнической солидарности, ментально-духовного кода.

Результаты исследования и их обсуждение

Этническая культура, воплощенная в сказочном эпосе, «является мощным фактором сохранения особенностей исходной психологии, духовного строя, ментальности, традиций и культурных символов народа [1, 15], что служит определяющим фактором включения в образовательную программу дисциплин, формирующих духовно-нравственные приоритеты личности и закладывающих традиции этнокультурного воспитания.

В процессе изучения дисциплины «Мордовское устное народное творчество» ежегодно проводится анкетирование студентов I курса с целью выявления их жанровых приоритетов, в зависимости от этого выстраивается иерархия популярности фольклорных жанров, среди которых сказка признается одной из самых распространенных и читабельных (ее отмечает 30 % реципиентов), уступая только песне. Проводимые в студенческой аудитории опросы свидетельствуют о доминировании в разновидностях сказочного эпоса бытовой (социально-бытовой) сказки.

В процессе чтения, анализа и обсуждения бытовой сказки важно проследить мысль о том, что главный герой, являясь двигателем сюжета, ставит осмеиваемых персонажей в комические обстоятельства, и они разоблачают себя. Каждая деталь нарратива и элементы композиционного строя направлены на достижение основной цели – раскрыть корень социального или человеческого порока и осудить его. Это достигается различными художественными средствами (гротеск, ирония, элементы сатирического портрета, юмористический диалог и др.).

По дисциплине «Мордовское устное народное творчество» для обязательного изучения рекомендован ряд бытовых сказок: «Кезэренъ ёвкске» («Старая сказочка»), «Сабан-богатырь», «Мазый Дамай» («Красавец Дамай»), «Петр I и солдат», «Черт Иван» и несколько по выбору.

Морально-нравственным содержанием насыщена сказка «Кезэренъ ёвкске».

Мокшане и эрзяне отличаются высокими моральными требованиями к себе и другим и порицают пороки, встречающиеся в крестьянской среде. Крестьянин, выражаясь словами В. Я. Проппа, «внутренне жил идеалами как высшего мировоззренческого порядка, так и идеалами житейскими» [8, 324]. Эти идеалы касаются семьи, взаимоотношений между супругами, воспитания молодого поколения, почитания культа предков, отношения к труду и его результатам: «У большинства народов самым высоким моральным качеством человека является трудолюбие. Трудовое воспитание – это стержень народной педагогики» [9].

В данной сказке ленивые члены семьи – мать, отец, сын и дочь – перекалывают ответственность друг на друга, отказываются убирать урожай. У каждого из них есть твердая отговорка: старик и старуха готовятся умереть, дочь – выйти замуж, сын – уйти в солдаты. Однако ожидаемое не сбывается, а хлеб остается под снегом. В народном сознании лень – порок, который не может быть оправдан ни социальным положением, ни бытовыми условиями, поэтому трагический финал (гибель бездельников от голода и холода) признается как естественный, ожидаемый. Заметим, что в целом мордовская бытовая сказка оптимистична и гуманна, осуждаемые и осмеиваемые герои погибают редко. В случае трагической развязки внимание фиксируется не на смерти, а на действиях, приводящих к ней.

В условиях социальной и культурной жизни такой многонациональной республики, как Мордовия, важное воспитательное и образовательное значение имеет знакомство русских студентов с эрзянской и мокшанской народной сказкой. Будучи носителями русской национальной культуры, они с интересом и удовольствием проникают в пространство иного национального бытия – хорошо знакомого, но все же другого. Изучение мордовского сказочного эпоса не носителями национального кода направлено на то, чтобы «привести студентов к пониманию взаимосвязи национальных духовных культур, умению мыслить аналитически, сопостав-

лять категорию частного и общего, взаимосвязи национального и межнационального, что способствует принятию общегуманистической позиции» [2, 47]. В рамках спецкурса «Трансформация и развитие литературных форм героического эпоса в художественной словесности XX века» студенты анализируют способы погружения и характер народной сказки в книжных формах финно-угорского эпоса. В этом отношении особенно интересны сказки «Сабан-богатырь» и «Мазый Дамай».

Эрзянская сказка «Сабан-богатырь», литературно обработанная С. В. Аникиным, есть пример народной утопии («люди живут в тепле и сытости, единой и дружной семьей, живут не печалятся...»⁸, зло, пришедшее с войной, оказывается побежденным, справедливость торжествует), реализующей мечты народа о счастливой и благополучной жизни. О древности сказки свидетельствует зачин: «Давным-давно это было, когда мордва еще была некрещеной»⁹. Однако описания реалий, в которых действует герой, отсутствие конкретных социально-бытовых деталей не позволяют определить время возникновения сказки. При всей чудесности ряда ситуаций (герой одним рывком сворачивает здоровенному быку шею, двумя пальцами может задушить медведя, дубы валит неохватные, с корнем вырывает сосны и т. д.) сказка проникнута логикой реальной жизни, правдиво фиксирует ключевые моменты истории эрзян и характер их контактов с другими народами: Сабан одерживает победу и изгоняет с родной земли ханского богатыря Челибея, не идет на службу к русскому царю. Сказка эмоционально передает мысль о привязанности героя к родному краю. Какие бы удачи и счастье ни сулила богатырская служба у русского царя, Сабан не мыслит существования без родного села: «Люблю свой мордовский край. Если понадобится землю нашу от врагов защитить – силы своей не пожалею»¹⁰. Типологически герой близок образам русских

богатырей – те же неумная физическая сила, доброжелательность по отношению к слабому, нуждающемуся в помощи, защита интересов народа и страны. Ход сюжетного действия данной сказки продиктован нравственными, этическими соображениями эрзян, основанными на принципах миролюбия, свободолюбия и справедливости.

К числу сказок, в которых звучат мифологические мотивы, относится сказка «Мазый Дамай». На такой же сюжет известны русская сказка «Козьма Скоробогатый» из собрания народных русских сказок А. Н. Афанасьева и французская сказка «Кот в сапогах», литературно обработанная Ш. Перро. Их общие черты: герой – бездельный парень, имеющий богатство в виде кадочки масла / курочки / дворового кота; проблема – неожиданно начинает исчезать из кадочки масло / пропадают курочки / нужно кормить бесполезного кота; виновник бед героя – лиса или кот – берется ему помочь устроить судьбу путем обретения богатства и женитьбы на дочери бога Пурьгинепаз / царя / короля и таким образом превращается в помощника; помощник хитростью нейтрализует врага героя – змея Каряза / Змиулана / Людоеда; чудесный помощник превращает бездельного парня в могущественного человека и заслуживает пожизненное содержание и благодарность.

В сказке «Мазый Дамай» фигурирует Пурьгинепаз, изображающийся сильным громовержцем, но добродушным и доверчивым стариком, которого легко обманывает лиса. Бог подвержен людским слабостям: выпивает, хвастается силой и чудесными способностями. От мифологического бога грома в сказке остается лишь не реализованный потенциал.

Большую роль в процессе этнокультурного воспитания и формирования личности играет эрзянская и мокшанская волшебнo-фантастическая сказка. Как показывают наблюдения, студенческая аудитория иначе, чем школьники младшего и среднего возраста, воспринимает волшебную сказку, что обусловлено возрастными и психологическими чер-

⁸ Мордовские народные сказки. Саранск, 2006. С. 325.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 331.

тами. Привлекательные для детей динамизм и занимательность сюжета не являются краеугольными, студенты акцентируют внимание на функциональности повествования, актуальности решаемых в произведении проблем, что не только обогащает их познания о мире, но и развивает логическое и аналитическое мышление, навыки анализа и интерпретации художественного текста.

При изучении волшебной сказки необходимо четко эксплицировать мысль о том, что ее традиционные репрезентанты – мифологические персонажи (Вирява (Покровительница леса), Ведява (Покровительница воды), Кудава (Хранительница дома), Куйгорож и другие демонические силы), ассимилируя в сказочный дискурс, теряют мифологический антураж. Например, Ведява в сказках «Девочка – серебряный зубок» и «Ведява» мало напоминает первоисточник. В первой сказке Ведява в сопровождении водяных ищет обещанную ей жертву – девушку с серебряным зубом. Бегающая по лесу и дорогам, она спрашивает встречных людей о ней. Чтобы остаться неузнанной, героиня заклеивает серебряный зуб воском. При встрече с Ведявой девушка смеется, воск отцепляется, старуха хватается за жертву. Образ Ведявы сложен, неоднороден, типологически близок к водяному змею, морскому царю – репрезентантам фольклора других народов. Это аутентичный самобытный персонаж с полярными внешними чертами, соотносимыми с ее поведением и поступками: красивая девушка с длинными волосами, избавляющая от бесплодия, или злая старуха с уродливым лицом. Двойственность образа Ведявы обусловлена ее восприятием: с одной стороны, ее почитали как божество, с другой – под влиянием христианских идей она стала осознаваться как проявление бесовского начала. Особый интерес вызывает такая деталь внешности героини, как воск на зубе, представляющий собой родовую метку, символизирующую принадлежность к определенному коллективу. Долгое время «мечение» девушки сохранялось в свадебном обряде – засватанную невесту отмечали родовым знаком жениха. Включение деталей традиционной

обрядовой культуры в структуру сказочного текста позволяет раскрыть особенности национального бытового уклада, выявить морально-этические нормы поведения в социальной и семейной жизни.

Мифологический сюжет женитьбы Пурьгинепазы на земной девушке проявляется в сказке «Литова». Нелюбимая дочь выходит замуж за Бога Грома и поднимается жить на небо. По разрешению Чипазы (Бога Солнца) она посещает деревню, желая встретиться с родителями, но не застаёт их дома. Литова уходит в тоске и смятении. Родители забывают дочь, не несут ответственности за нее, нарушая национальные нравственно-этические нормы (родители должны воспитывать детей и заботиться о них). Сказка настаивает: соответствующее традиции – истинно и правильно, а несоответствующее – ложно и недопустимо. Таким образом, в сказке происходит моделирование моральной ситуации, направленной на искоренение пороков и выявление добродетели.

Образы народной демонологии, встречающиеся в сказке, воспринимаются как герои развлекательного повествования. В русском фольклоре представители низшей мифологии формируют персонажную сферу былички или бытовой сказки, в мордовской устной прозе сотрудничество героев этих жанров – явление обычное, поэтому гномы, черт, змеи, Вирява, Ведява и другие органичны и для сказочного, и для несказочного нарратива. Воплощением враждебных человеку потусторонних сил, одновременно озорником и проказником предстает Куйгорож – мифологическое существо, гном, одаренный демонической силой и знанием. Куйгорож в некотором отношении синонимичен домовому, покровительствующему крестьянскому хозяйству. Одновременно он родственен, на наш взгляд, черту как воплощение нечистого духа, человеческих пороков. В описании внешности Куйгорожа сочетаются демонические и антропоморфные черты: он имеет вид цыпленка-человека или огненного летающего змея, иногда принимает облик мужчины, имеет общие черты со славянским огненным змеем [6], хотя змеборческий мотив в этой сказке не развит.

В мокшанской сказке «Куйгорож» гном высиживается женщиной из яйца совы, боится крестного знамения. Ему дается психологическая характеристика: он доброжелателен лишь с теми, кто обеспечивает его ежедневной работой, иначе становится злым, агрессивным. По воззрениям мордвы, человек не должен поддерживать связь с демоническими существами, что грозит ему губительными последствиями – разорением и гибелью. Таким образом, эстетическая функция сказки дополняется воспитательной: надейся лишь на собственные силы, трудись и будь добр.

Мордовская сказка, репрезентантом которой выступают мифологические персонажи, несомненно, несет на себе определенный отпечаток архаической религиозно-мифологической реальности, однако в целом построена на основе «десакрализации, отказа от строгой мифологической “достоверности”, оторвана от ритуально-мифологической стихии, осознается как художественный вымысел... выраженный в условности и нереальности пространственно-временной локализации событий» [7, 59]. Ее основная функция не религиозно-магическая, а эстетическая, познавательная, дидактическая.

К популярным у мордвы произведениям следует отнести сказки о сиротах, изгнанных из дома. В сказке «Дуболго Пичай» (вариант «Канева») злые невестки обливают золовку расплавленным воском. Приехавшие домой братья находят сестру мертвой и хоронят ее в лесу на сучьях двух деревьев. Юноша-пастух находит гроб, приносит его домой. От проявления юношей глубоких эмоций девушка чудесным образом оживает. Она встречается с братьями и рассказывает им правду. В данной сказке реконструированы элементы похоронного обряда древней мордвы – неземное погребение и обкладывание покойника зерном. Хронотоп данной сказки нехарактерен для фантастического мира, конфликт персонажей отражает атмосферу патриархальной семьи, имеет объективную социальную причину – зависть, жажда материальной наживы, толкающие невесток на преступление. Народная оценка действий женщин отчетливо проступает в

финале – они наказаны и изгнаны из дома. Таким образом, в сказке четко эксплицированы морально-этические каноны мордовского этноса.

Биофильная философия жизни эрзян и мокшан прослеживается в сказке «Атякш Ёга и смерть». Старик-эрзянин одурачивает Безносую, пришедшую за его душой: сначала отпрашивается на исповедь к попу, но идет в кабак; навеселе пускается в пляс и пугает Смерть; затем припечатывает Безносую к стене. Смерть в эрзянской сказке, как и в античной мифе о Сизифе, попадает в ловушку. В произведениях «Кулома» («Смерть»), «Маштыкс» («Лихорадка»), сюжетно перекликающихся с русской сказкой «Солдат и Смерть», герой тоже побеждает Смерть, хитростью заманивая ее в бутылку, гроб, мешок. Герои эрзянских и мокшанских сказок бесстрашно вступают в поединок со смертью, активно торгуются с ней за каждый новый год жизни, не боятся с ней спорить, обманывают ее. И им, действительно, удается либо прогнать смерть совсем (например, «Маштыкс»), либо до глубокой старости избавиться от нее («Атякш Ёга и смерть», синонимический ряд может продолжить эпическая мокшанская песня «Мокшанский парень и смерть»). Герои эрзянских и мокшанских сказок демонстрируют активную жизненную позицию: они любят жизнь, борются за нее, энергично вступают в противоборство со смертью, используя для этого разные способы; их невероятное жизнелюбие заставляет отступить даже смерть.

В мордовской волшебной сказке отразились древние формы мифологического мышления, представления народа о сверхъестественных силах, фантастическом условном мире, проявлениях чудесного, борьбе добра и зла, реконструированы различные элементы обрядовой сферы, что делает произведения истинно национальными, ярко отражающими менталитет эрзи и мокши, философию народа, в силу этого выступающими оригинальными средствами для этнокультурного развития.

Устно-поэтическое творчество эрзи и мокши представлено объемным животным эпосом, в котором «находит отраже-

ние человеческая жизнь... в широкой гамме чувств и характеров, а также реалистическое отражение крестьянского быта» [8, 341]. Часто в качестве антропоморфных персонажей в сказках о животных выступают мифологические тотемные животные. Такова сказка «Благодарный медведь», повествующая о благородной взаимопомощи человека и животного. Девушка помогает медведю избавиться от боли, а он сакрализует ее, одаривая медом – символом достатка и счастья. Сказка несет глубокую философию жизни, любви и уважения ко всему живому. Здесь животный мир предстает самоорганизованным, бытийным центром, не зависящим от человеческого, а уподобленным ему. В мордовских сказках о животных миры человеческий и звериный гармонизируются, существуют как равноправные в силу глубиной сохранности в них языческих представлений.

Иначе осмысливается животный мир в сказках более позднего периода – «Медведь-песельник» и «Сказочка», в которых безропотных, покорных, разобщенных, по этой причине не способных к сопротивлению, персонажей проглотил кровожадный медведь. В данном случае тотемное животное утрачивает связь с культом родоначальника рода, выступает в роли насильника. В произведениях отразилось разрушение первоначальных мифологических ассоциаций и универсалий, рост реалистического мышления, изменение эстетических требований времени, ослабление авторитета тотема, наделяющего животное сакральными, сверхъестественными чертами, что, безусловно, привело к определенной трансформации сюжетно-мотивных, композиционных деталей сказки, однако «суть сюжетно-фабульной ее основы... внутренний иносказательный смысл повествования сохраняются»¹¹.

Проведенный анализ произведений животного эпоса убеждает в справедливости мысли о том, что сказки о животных не отличаются большим количеством сюжетных сцеплений, однако ценны богат-

ством смыслов, точностью психологических характеристик, разнообразием приемов сатирико-юмористического изображения реальности, меткостью социальной иронии. В них «сосредоточен народный житейский опыт, отражено знание нравственной жизни и поведения людей»¹². Сказка несет мысль о том, что обрамление (животный мир) представляет человеческое содержание не абстрактно, а в совокупности состояний и характеров, в чем заключаются сила ее художественного обобщения и дидактический потенциал.

Заключение

В процессе исследования выявлено, что изучение в вузе мордовского сказочного эпоса, нацеленное на сохранение, осмысление и изучение интеллектуального и эмоционального наследия, не только способствует воспитанию и сохранению в молодом человеке национального генокода, но и формирует национально-ментальные и общечеловеческие ценности. Авторы пришли к выводу, что мордовская сказка в доступной форме фиксирует движение и ключевые этапы национальной истории, эксплицирует характер взаимоотношений эрзи и мокши с другими народами, раскрывает индивидуальные национальные принципы мировосприятия, а также содержит воспитательные и дидактические установки.

Определено, что мордовский сказочный эпос проясняет систему жизненных мотиваций, намерений и целей, побуждает вне зависимости от возраста и степени образованности к познанию уникального этнического кода, содержащего гуманистические идеалы. Сказка становится эффективным средством этнокультурного воспитания и гармонизации поликультурной среды.

Полученные результаты исследования направлены на совершенствование вузовского образования в области воспитания толерантного отношения студентов к мультикультурному обществу, формирования общечеловеческих ценностных приоритетов.

Поступила 30.01.2018, опубликована 07.06.2018

¹¹ Аникин В. П. Указ. соч. С. 12.

¹² Там же. С. 463.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

---

1. Алдошина М. И. Осмысление теоретических основ процесса формирования этноэстетической культуры студентов // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 3: Педагогика и психология. 2009. № 2. С. 12–18.
  2. Алимova Л. У., Аметова Э. Р. Воспитание культуры межнационального общения в высшей школе // Январские педагогические чтения. 2016. № 2 (14). С. 45–49.
  3. Афанасьева А. Б. Этнокультурное образование как проблема современной педагогической науки // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. № 68. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/etnokulturnoe-obrazovanie-kak-problema-sovremennoy-pedagogicheskoy-nauki> (дата обращения: 08.10.2017).
  4. Веселовский А. Н. Поэтика сюжетов // Веселовский А. Н. Историческая поэтика. Москва: Высш. шк., 1989. С. 300–307. URL: <https://studfiles.net/preview/4388561> (дата обращения: 03.10.2017).
  5. Джуриhский А. Н. Концепции и реалии мультикультурного воспитания. Москва: Academia, 2008. 304 с.
  6. Маскаев А. И. Сказки // Мордовское народное устно-поэтическое творчество. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1975. С. 167–204.
  7. Мелетинский Е. М. Историческая поэтика фольклора: от архаики к классике. Москва: РГГУ, 2010. 285 с.
  8. Пропп В. Я. Русская сказка. Москва: Лабиринт, 2008. 384 с.
  9. Снопova Т. К. Народная сказка – средство воспитания и обучения детей // Сибирский педагогический журнал. 2008. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/narodnaya-skazka-sredstvo-vozpitaniya-i-obucheniya-detey> (дата обращения: 07.10.2017).
  10. Снопova Т. К. Этнопедагогические средства формирования ценностных ориентаций личности // Сибирский педагогический журнал. 2007. № 9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/etnopedagogicheskie-sredstva-formirovaniya-tsennostnyh-orientatsii-lichnosti> (дата обращения: 08.10.2017).
  11. Ушинский К. Д. Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии. URL: <https://e.lanbook.com/reader/book/30546/#1> (дата обращения: 09.10.2017).
  12. Dundes A. The study of Folklore. Englewood Cliffs, NJ: Printice Hall, Inc., 1965. 481 p.
  13. Hamlet T. Y. To the question of understanding motif in foreign and Russian folklore science // Traditional culture. 2013. № 2 (50). P. 114–124.
  14. Zanoni da Silva A. M. A fantástica configuração da morte em Poe: uma leitura de “Morella”, “Ligéia” e “Eleonora” // Revista de Letras. 2015. № 2, vol. 55. P. 29–44. URL: <http://seer.fclar.unesp.br/letras/article/view/8824> (дата обращения: 16.10.2017).
-

MORDOVIAN FAIRY TALES AS A MEANS OF ETHNO-CULTURAL DEVELOPMENT OF THE PERSONALITY

Iurii G. Antonov,

Doctor of Philology, Head of the Department of Finno-Ugric Literature, Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russia), antonovug@yandex.ru

Svetlana V. Sheianova,

Doctor of Philology, Professor, Department of Finno-Ugric Literature, Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russia), antonovug@yandex.ru

Elena A. Sharonova,

Doctor of Philology, Professor, Chair of Russian and Foreign Literature, Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russia), sharon.ov@mail.ru

In the modern educational paradigm, the revival of the ethno-pedagogical culture, use of its techniques for development of moral and aesthetic values of the modern person is recognized as a priority. The harmonization of modern pedagogical methods and educational traditions that have been formed within the people's environment is an important component of the educational process and requires a comprehensive academic and research understanding. The elements of ethno-pedagogical culture, contained in the Mordovian fairy tales, contribute to the formation of a number of positive personality traits. The goal of the research is to determine the role of the Mordovian fairy tales in the development of moral and aesthetic values of a modern person and to reveal the influence of some fairy tales on the development of ethnic self-awareness.

The work employs a theoretical method that allows us to comprehend the results obtained on the basis of advanced developments in pedagogical science; empirical methods (observation and questioning) that help to study the influence of the Mordovian fairy tales on the formation of certain personality traits in educational process.

The study of Erzya and Moksha fairy tales involves a university student in the space of national culture and language, into the space of the national way of thinking and forms a full-fledged personality capable of intercultural and interlingual communication. The fairy tale reveals the behavioral patterns, the norms of the family and social life, lays the notions of truth, good, beauty; establishes a qualitative perception of people's ethical principles, promotes self-identification of the individual through the reception of a unique ethno-philosophy.

Studying Mordovian fairy tales, the students promotes the development of ethnically oriented behavioral patterns aimed at upbringing of positive personal qualities. The obtained results can be used in the practice of university humanitarian education and other areas of training, as well as in the compilation of educational materials on philological and pedagogical education.

Key words: Mordovian fairy tales; ethnocultural education; personal development; popular pedagogy; ethnopädagogie; ethnophilosophy; mentality.

For citation: Antonov IG, Sheianova SV, Sharonova EA. Mordovian fairy tales as a means of ethno-cultural development of the personality. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2018; 10: 1: 18–28. (In Russian)

Submitted 30.01.2018, published 07.06.2018

REFERENCES

1. Aldoshina MI. Comprehension of the theoretical foundations of the formation of ethnoes-thetic culture of students. *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 3: Pedagogika i psikhologiya* = Bulletin of the Adyge State University. Series 3: Pedagogy and Psychology; 2009; 2: 12 – 18. (In Russian)
2. Alimova LU, Ametova ER. Education of the culture of interethnic communication in higher education. *Ianvarskie pedagogicheskie chteniia* = January pedagogical readings; 2016; 2; 14: 45–49. (In Russian)
3. Afanas'eva AB. Ethnocultural education as a problem of modern pedagogical science. *Izvestiia Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertse-na* = Bulletin of Herzen University Journal of Humanities and Sciences. 2008; 68. Available from: http://www.ssc.smr.ru/media/journals/izvestia/2010/2010_5_545_551.pdf (accessed 08.10.2017). (In Russian)
4. Veselovskii AN. Poetics of plots. Veselovskii AN. *Istoricheskaiia poetika* = Historical poetics. Moskva; 1989: 300–307. Available

- from: <https://studfiles.net/preview/4388561> (accessed 03.10.2017). (In Russian)
5. Dzhurinskii AN. Concepts and realities of multicultural education. Moskva; 2008. (In Russian)
  6. Maskaev AI. Fairy tales. *Mordovskoe narodnoe ustno-poeticheskoe tvorchestvo* = Mordovian folk poetic creativity. Saransk; 1985: 167–204. (In Russian)
  7. Meletinskii EM. Historical poetics of folklore: from archaism to classics. Moskva; 2010. (In Russian)
  8. Propp VIa. Russian fairy tale. Moskva; 2008. (In Russian)
  9. Snopova TK. The fairy tale is a means of educating and educating children. *Sibirskii pedagogicheskii zhurnal* = Siberian Pedagogical Journal; 2008; 3. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/v/narodnaya-skazkasredstvo-vospitaniya-i-obucheniya-detey> (accessed 07.10.2017). (In Russian)
  10. Snopova TK. Ethno-pedagogical means of formation of value orientations of the person. *Sibirskii pedagogicheskii zhurnal* = Siberian Pedagogical Journal. 2007; 9. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/etnopedagogicheskie-sredstva-formirovaniya-tsennostnyh-orientatsii-lichnosti> (accessed 08.10.2017). (In Russian)
  11. Ushinskii KD. Man as an object of education. Experience of pedagogical anthropology. Available from: <https://e.lanbook.com/reader/book/30546/#1> (accessed 09.10.2017). (In Russian)
  12. Dundes A. The study of Folklore. Englewood Cliffs; 1965. (In English)
  13. Hamlet TY. To the question of understanding motif in foreign and Russian folklore science. *Traditional culture*. 2013; 2; 50: 114–124. (In English)
  14. Zanon da Silva AM. A fantástica configuração da morte em Poe: uma leitura de “Morella”, “Ligéia” e “Eleonora”. *Revista de Letras*. 2015; 2; 55: 29–44. Available from: <http://seer.fclar.unesp.br/letras/article/view/8824> (accessed 16.10.2017). (In English)